

Одесские новости.

1895. 15 февраля. № 3208.

C. 2.

Письма о журналистике

Таких образов, мы видим первые „результаты“ „изнуряющего вадора“ и „мелочей“, заполовинивших жизнь. Вследствие отсутствия живых интересов и чистой атмосферы вполнѣ „корректная“ дворянка мечтает о лапшах, отбитых у „filles de ballet“.

Спустимся теперь этажем ниже. Мы в новой среде, которую рисует нам Чехов в рассказе „Три года“. Пред нами опять результаты того-же „изнуряющего вадора“.

Литература начала семидесятых годов обрисовала нам крайне „обойтливый“ тип. Покойный талантливый бедняк Осипович называл его „ни наовой, ни вороной“.

Это была „кающаяся дворянка“, каждая из них, мечтавшая об „уплатѣ долга“ народу. Но так, как этот тип был „героическим безвременьем“, то на его долю досталась лишь рефлексия и „самоубийство“. Но все герой мечтал о подвиге и невозможность свершения его была причиной его душевного разлада.

Прошли десятилетия. Пред нами новая генерация. И тут много недополнених собою. Но о „подвигах“, о „цѣляхъ высшихъ“, о старом „долге“ что-то замолкли голоса. Въ той средѣ, которую рисует нам г. Чехов, небольшие собою это—гдѣ „обитавшие пессимисты“, о которых говорит Дюрингъ въ „Синтезѣ философіи“. Пред нами цѣлая коллекция невращенниковъ, „нытиковъ“, „рамоли“; но все это лишь жертвы „мелочей“ и изнуряющего вадора.

Среда, рисуемая г. Чеховымъ, это—богатое купечество новой формации. Его герои, законный чада Кить Китьича, но уже вкусивши отъ древнихъ познаний и культуры. Пред нами такой герой—тридцати четырехлѣтній нытикъ Алексѣй Федоровичъ Лаптевъ, окончившій университетъ, богатый купецъ.

„Я помню“,—рассказываетъ онъ,—отецъ началъ учить меня яли, попросту говоря, бить, когда мнѣ не было еще и пяти лѣтъ. Онъ съѣлъ меня розгами, драгъ за уши, билъ по головѣ, и я тоже дрожалъ въ его присутствіи, просыпаясь каждое утро думая, прежде всего: будить ли сегодня драгъ меня? Играть и шалить мнѣ „Федору (брату)“ запрещалось; мы должны были ходить къ утрунѣ и къ ранней обѣдѣ, цѣловать попарно и молились руки, читать дома каноникъ“.

Такимъ было воспитаніе героя „на зарѣ туманной юности“. Теперь не то. Онъ самъ человекъ полномочный, богатый. Любитъ онъ двинушку Юлію Сергѣевну, которая равнодушна къ нему. Это увлеченіе—источникъ терзаний у Лаптева. Онъ знаетъ, что онъ некрасивъ, и теперь ему казалось, что онъ даже ощущаетъ на тѣлѣ эту свою некрасоту. Онъ былъ невысокъ ростомъ, узкоплечъ, съ румянцемъ на щекахъ, и волосы у него уже сильно порѣдѣли, такъ что зѣбала голова. Въ выраженіи его лица не было той ясной простоты, которая даже

грубыя, некрашенныя лица дѣлаютъ симпатичными. И теперь онъ почти презиралъ себя за свое безсудіе и готовъ былъ съ алродствомъ изпрекать себя, что, несмотря на свои, в сущности, громадные средства, онъ не можетъ купить себѣ красоты, чистоты и талантовъ, хотя-бы даже и поддѣльными. Чтобъ Юлія Сергѣевна не скучала въ его присутствіи, нужно было говорить, но о чемъ?

Наконецъ, Алексѣй Федоровичъ думаясь въ сапогахъ, неожиданно дѣлаетъ предложеніе.

Юлія Сергѣевна вначалѣ отпалаиваетъ; Лаптевъ ей совершенно не симпатиченъ; но потомъ является соображеніе, что Алексѣй Федоровичъ „выгодный“ женихъ, что въ провинціи жениховъ нѣтъ, такъ что, пожалуй, засидѣвшись въ двинушкахъ. И результатомъ этихъ соображеній является слѣдующая сцена:

— Я вчера долго думала, Алексѣй Федоровичъ—говоритъ она на другой день,—и принимаю ваше предложеніе.

Въ сильномъ смущеніи онъ испулся и поцѣловалъ ей руку, она неловко поцѣловала его холодными губами въ голову. Онъ чувствовалъ, что въ этомъ любовномъ объясненіи нѣтъ главнаго—ея любви, и есть много лишняго, есть расчесть, воля, обвинительская психология, и ему хотѣлось затопать ногами, дакричать, убѣжать, тотчасъ-же убѣжать въ Москву, но она стояла близко, казалась ему такою прекрасною, страсть охватывала имъ, онъ соображалъ, что само приличіе теперь требуетъ, чтобъ онъ признавался ей, что разсуждать уже поздно, обнять ее страстно, прижать къ груди и, бормоча какія-то слова, называя ея тѣло, поцѣловать ее въ шею, потомъ въ щеку, въ голову“.

„Все время до свадьбы онъ чувствовалъ себя въ ложномъ положеніи. Любовь его съ каждымъ днемъ становилась все сильнѣе, и Юлія переставала казаться поэтической и возвышенной, но, вѣдь, какъ-бы то ни было, сущность была та, что онъ покупалъ, а она продавалась. Иногда, раздумавшись, онъ приходилъ просто въ отчаяніе и спрашивалъ себя: не бѣжать ли? Но, казалось, легче и приличнѣе было пустить себѣ пулю въ затылокъ, чѣмъ бѣжать, бѣжать глупо и смѣшно, какъ голубскій Подколесникъ“.

Такимъ образомъ, любовь и бракъ съ любимой женщиной, которые у нормальныхъ людей являются источникомъ необыкновеннаго подъема духа, у неврастеника превращаются въ источникъ мучений. Молодые неврастеники на житье въ Москву, гдѣ отецъ и братъ Алексѣй Федоровича завѣдуютъ ихъ общими дѣлами, большою торговою фирмою. Молодожены бѣгутъ съ минимомъ къ отцу Лаптева. Алексѣй Федоровичъ вѣдетъ съ стѣсненнымъ сердцемъ. „Онъ боялся со стороны отца какой-нибудь выходки“. За то Юлія Сергѣевна жила съ удовольствіемъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ проведенныхъ въ домѣ мужа, она уже считала свое замужество грубою ошибкой, несправедливымъ несчастіемъ и была уже

реша, что если-бы ей пришлось жить съ мужемъ не въ Москвѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ городѣ, то она не перенесла-бы этого ужаса. Въ Москвѣ она могла непрерывно развлекаться, молиться, читать и не думать о себѣ самой; московскія улицы, дома и церкви нравились ей очень, и теперь ей казалось, что если-бы можно было бѣжать цѣлый день по Москвѣ и при очень быстрой бѣдѣ дышать прохладнымъ осеннимъ воздухомъ, то она чувствовала-бы себя даже счастливою.

Свиданіе съ родными обходится, однако, благополучно.

Алексѣй Федоровичъ замѣчаетъ лишь, что братъ его Федоръ, тоже съ университетскимъ образованіемъ, началъ какъ-то странно юродствовать.

Въ тотъ вечеръ, въ кругу друзей долго говорили о Федорѣ и о томъ, что теперь у русскихъ интеллигентныхъ людей мода напускать на себя инстинкты, мракобѣіе, бурболизмъ и умышленное убожество; и многие даже имитируютъ голоса и походку, чтобы казаться грубыми и тяжелыми. Напримѣръ, Федоръ старается казаться простымъ купцомъ, хотя онъ уже не купецъ, и когда приходитъ къ нему за жлованьемъ учитель изъ школы, гдѣ старикъ Лаптевъ попечителемъ, то онъ обходится съ нимъ, какъ начальникъ.

Около напускнаго находятъ себѣ пріютъ настоящие суевѣріе—скажемъ Лаптевъ,—и если у кого мозгъ болѣзненно склоненъ ко всякой галиматіи, то ужъ такому не выпариваться, лишь пропало. И я замѣтилъ, что все то, что непонятно, целено, смутно, не доказано,—все эти господа валивъ въ одну кучу и получаютъ страшную кашу. Если кто изъ нашей братии занимается спиритизмомъ или магнетизмомъ, то ужъ непремѣнно и гомеопатію, и метафизику, и символизмъ, вбуруетъ въ три свѣчи и въ тринадцатое число, ругаетъ цивилизацию по именъ китайцамъ, о которомъ онъ понятія не имѣетъ, такъ какъ не былъ въ Китаѣ, и полагаетъ ему науку не иначе, какъ наивную. Такое состояніе ума, конечно, не удовлетворяетъ, человекъ испытываетъ смутное недовольство собою, всегда онъ раздраженъ, озлобленъ и, одержимый духомъ противорѣчія, готовъ ужъ просто въ самолюбіи увѣрить, что идеалъ русскаго человека—въ невѣжествѣ, въ розгахъ, въ нищетѣ“.

Рассказъ г. Чехова еще не конченъ. Вы видите, что, какъ по поводу среды описанной Боборыкинскимъ, такъ и по поводу той, о которой говоритъ только что упомянутый романистъ, можно сказать: „смутно всюду, темно всюду“.

Изъ чудной „Думы“ припоминаются слѣдующіе стихи:

И прѣтъ нашъ съ строгостью судья и
гражданинъ,
Потомокъ оскорблѣнныхъ притѣсненныхъ
стѣлозъ,
Москвиткой горькою обманутыхъ силъ
Маль прозавѣвшихъ отцовъ“.

Въ первой книжкѣ „Русской Мысли“ г. Маминъ-Сибирякъ повѣстивъ начало романа „Хлѣбъ“.

И. Иск-ский.